

ТА, ЧТО
НЕ ДОЛЖНА БЫЛА
ПРОЙТИ

Милана Панова

Та, что не должна была пройти

<https://litres.ru/74576262>

SelfPub; 2026

Аннотация

Осенний отбор не ошибается. Так твердят в Грейнморе уже пятьсот лет.

Я пришла в академию за тихим ремеслом целительницы — тем самым, которым занималась моя мать. Но древний Колокол услышал во мне другое и отправил туда, куда женщин не брали никогда. На Факультет Предела. На магию, которая, как все клянутся, меня убьёт.

Отменить его решение нельзя. У меня есть один семестр — до первого снега, — чтобы доказать, что имею право остаться. Против меня весь факультет, вся история академии и магистр Кассиан Дрейк: холодный, блестящий и опасный человек, который с первого дня хочет, чтобы я исчезла.

Вот только Предел меня почему-то не жжёт. Кто-то в замке тайно калит мне камни, подстраивая «несчастные случаи». А имя моей матери кто-то выжиг из всех списков академии — будто её не было.

Чем ближе я подхожу к правде, тем яснее понимаю: про то, почему сюда не берут женщин, все лгали. Про мою мать — тоже. И, кажется, про меня.

Туман над Грейнмором хранит не одну тайну. Лучше бы их не будить.

Милана Панова

Та, что не должна была пройти

Тайны Грейнмора: факультет, куда не берут женщин

Книга первая

Роман

Глава 1. Осенний отбор

Осенний отбор не ошибается. Так говорят в Грейнморе уже пятьсот лет, и до сегодняшнего утра я не видела повода в этом сомневаться.

Туман пришёл с моря ещё на рассвете. Он полз по чёрным камням мыса, обтекал башни академии и оседал на плечах абитуриентов, что стояли перед воротами длинной дрожащей вереницей. Нас было около сотни — все в одинаковых серых плащах, все с одинаковыми лицами, на которых надежда мешалась со страхом. Я стояла ближе к концу и грела ладони дыханием, глядя на замок так, будто могла разглядеть в его окнах своё будущее.

Целительство. Вот чего я хотела. Тихое ремесло, травы, отвары, чужие болезни, которые можно унять руками. То са-

мое, чем занималась моя мать, пока была жива. Я приехала в Грейнмор за этим — и только за этим.

— Следующая, — сказал распорядитель, не поднимая головы от списка.

Я шагнула вперёд.

Туманный зал встретил меня холодом и тишиной. Свет сюда почти не проникал; факелы на стенах горели тускло, словно и им не хватало воздуха. В центре, на возвышении из тёмного камня, висел Колокол — древний, позеленевший от времени, без единой надписи. Он не звонил для всех одинаково. Говорили, что каждый слышит его по-своему: кто-то ловит тонкий звон, кто-то — глухой удар в самой груди.

— Имя, — произнёс голос из полумрака.

— Ирма Вейл.

— Подойди к Колоколу, Ирма Вейл. Положи ладонь на камень. И жди.

Камень оказался тёплым. Это было первое, что меня удивило, — я готовилась к ледяному прикосновению, а под пальцами будто билось чужое сердце. Я закрыла глаза. Где-то в глубине зала переговаривались магистры, шелестели мантии, потрескивал факел. Обычные звуки. Я ждала мягкого звона — того, что уводит на факультет целителей. Я почти слышала его заранее, так сильно хотела.

Колокол ударил.

Не звон — удар. Он прошёл сквозь меня от ладони до затылка, выбил воздух из лёгких, отозвался в зубах. Зал кач-

нулся. Я вцепилась в камень, чтобы не упасть, и сквозь звон в ушах слышала, как оборвались все разговоры разом.

Тишина была страшнее удара.

Я открыла глаза. Магистры стояли, подавшись вперёд, и смотрели на меня так, будто я на их глазах превратилась во что-то опасное. Один — высокий, в чёрной мантии с серебряным кантом — медленно поднялся со своего места.

— Повторите, — сказал он куда-то в сторону, и голос у него был ровный, как лезвие. — Пусть Колокол повторит.

— Он не повторяет, магистр Дрейк, — отозвался кто-то. — Вы знаете. Он сказал один раз.

— Тогда пусть кто-нибудь объяснит мне, — человек в чёрном спустился с возвышения и остановился в трёх шагах от меня, — почему Колокол только что отправил девушку на Факультет Предела.

Я не сразу поняла. А когда поняла, мне захотелось рассмеяться — так это было нелепо.

Факультет Предела. Магия на грани, та, что выжигает человека изнутри. Самый закрытый факультет академии, самый престижный и самый смертельный. Туда веками не брали женщин. Официально — потому что женщина не переживёт Предел.

— Здесь ошибка, — сказала я. Голос предательски дрогнул. — Я поступала на целительство. Я не... я не умею того, что там нужно.

— Колокол не ошибается. — Магистр Дрейк смотрел на

меня сверху вниз, и в его светлых глазах не было ни капли тепла — только холодный, почти брезгливый расчёт. — В этом-то и беда.

Он был молод для декана — лет тридцати, не больше, — и красив той резкой, неудобной красотой, от которой хочется отвести взгляд. Я не отвела. Упрямство — единственное, что у меня всегда получалось лучше всего.

— Значит, отмените его решение, — сказала я.

Кто-то за его спиной коротко, невесело усмехнулся.

— Отменить решение Колокла нельзя, — произнёс Дрейк. — За пятьсот лет — ни разу. Отменить — значит признать, что отбор можно оспорить. А если можно оспорить его, то можно оспорить и всё, что на нём держится. — Он чуть наклонил голову. — Вы себе не представляете, господа Вейл, сколько в этом замке власти держится на том, что Колокол не ошибается.

— Тогда что вы предлагаете?

— Я? Ничего. — Он отвернулся, и это было хуже любой грубости — будто я уже перестала существовать. — Это решит ректорат. Но я скажу вам одно, чтобы вы не тешили себя надеждой. Предел убивает. Он убивал мужчин крепче и способнее вас. Разумнее всего для вас было бы к утру собрать вещи и уйти самой.

— А если я не уйду?

Он остановился. Обернулся. И впервые посмотрел на меня по-настоящему — долго, внимательно, будто заново пе-

ресчитывая.

— Тогда, — сказал магистр Кассиан Дрейк, — я сделаю всё, чтобы вы пожалели, что остались.

Туман за окнами сгустился так, что башен напротив стало не видно. Где-то наверху, в невидимой вышине, ударил обычный колокол — тот, что созывал академию к началу учебного года. Пятьсот первого года подряд.

Первого — с тех пор, как на Факультет Предела приняли женщину.

Я разжала занемевшую ладонь и отняла её от камня. Он всё ещё был тёплым. И, клянусь, под моими пальцами он на мгновение дрогнул — тихо, едва заметно, будто в ответ.

Будто узнал.

Глава 2. Шесть деканов

Меня отвели не в кабинет, а в комнату, которой, кажется, не полагалось быть в академии. Ни книг, ни гербов, ни портретов — только длинный тёмный стол, высокие узкие окна, за которыми стоял всё тот же туман, и шестеро людей, что смотрели на меня так, будто я принесла с собой дурную весть.

Я научилась читать людей ещё в детстве, когда от чужого настроения зависело, накормят меня вечером или забудут. Эти шестеро не были злы. Они были встревожены — а встревоженная власть всегда опаснее злой. Злость проходит. Страх ищет виноватого.

В центре стола сидела женщина с прямой, как посох, спиной и седыми волосами, забранными так туго, что кожа на висках натягивалась. Ректор Грейнмора. Я не знала её имени, но узнала бы её должность из тысячи — так держатся только те, кто давно привык, что последнее слово остаётся за ними.

— Ирма Вейл, — произнесла она, и это не было вопросом. — Дочь Марты Вейл, целительницы. Верно?

Имя матери в чужих устах ударило сильнее, чем Колокол. Я не слышала его пять лет — с тех пор, как её не стало.

— Верно, — сказала я.

Кто-то из деканов переглянулся с соседом. Быстро, коротко — но я заметила. И запомнила.

— Вы понимаете, в какое положение вы нас поставили, госпожа Вейл? — Ректор сложила руки на столе. — Пятьсот лет отбор идёт заведённым порядком. Пятьсот лет никто не оспаривал ни единого его решения. И вот сегодня Колокол отправляет девушку туда, куда девушек не берут. Не потому, что так велит устав. Потому что так велит сама природа Предела.

— Я никого никуда не ставила, — ответила я. — Я положила ладонь на камень и хотела на целительство. Всё остальное сделал ваш Колокол.

Слева от ректора грузный декан с красным лицом подался вперёд.

— Дерзит, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Вот

вам и вся суть. Отчислить её сегодня же, пока не пошли слухи. Скажем, что вышла ошибка распорядителя.

— Скажем, что Колокол ошибся? — тихо переспросил голос, который я уже знала.

Магистр Кассиан Дрейк стоял у окна, чуть в стороне от остальных, и до этой минуты молчал. Он не сел за стол вместе со всеми — и от этого казалось, что он не с ними и не со мной, а сам по себе. Свет из окна падал ему на лицо, и оно было холодным и внимательным, как у человека, который просчитывает ходы на три вперёд.

— Стоит нам вслух признать, что распорядитель или Колокол ошиблись, — продолжил он всё так же ровно, — и завтра каждый недовольный своим факультетом побежит требовать пересмотра. Каждый род, чей наследник попал не туда, куда метил, вспомнит, что решение, оказывается, можно отменить. Вы хотите разжечь этот пожар из-за одной девчонки, магистр Хольт?

Красный декан открыл рот и закрыл снова.

Я смотрела на Дрейка и не понимала. Ещё утром он пообещал, что заставит меня пожалеть, если я останусь. А теперь защищал моё право остаться — так, будто оно и не про меня вовсе.

Он поймал мой взгляд и, кажется, прочитал в нём вопрос.

— Не обольщайтесь, госпожа Вейл, — сказал он. — Я говорю не о вас. Я говорю о Колоколе. Если он не ошибается — а он не ошибается, — значит, я обязан выяснить, что именно

он в вас услышал. Это не милость. Это моя работа.

* * *

Спорили долго. Обо мне — но так, словно меня в комнате не было. Одни хотели отчислить тихо. Другие боялись, что тихо не выйдет: сотня абитуриентов видела, как я вошла в Туманный зал, и слух уже полз по замку быстрее тумана. Кто-то предложил перевести меня на целительство — туда, куда я и просилась, — и сделать вид, что Колокол сказал именно это.

— Нельзя, — отрезала ректор. — Распорядитель объявил вслух. Отбор слышали свидетели. Переписать его слово — то же самое, что признать, что мы лжём. — Она помолчала. — Остаётся одно. Мы оставляем её там, куда определил Колокол.

В комнате стало тихо.

— На Пределе, — уточнил Дрейк. Не возразил — уточнил. Будто пробовал эту мысль на вес.

— На Пределе, — кивнула ректор. — Но с условием. — Впервые за весь разговор она посмотрела прямо на меня, и в её глазах не было ни капли доброты — только расчёт человека, ищущего выход, который никого не погубит и никого не оправдает. — Один семестр, госпожа Вейл. До первого снега. Вы сдаёте зачёты наравне с остальными студентами факультета — наравне, без поблажек и без скидок на то, что вы женщина. Справитесь — останетесь и докажете, что Колокол был прав. Не справитесь — уйдёте сами, и никто не

скажет, что мы вас выгнали. Уйдёте, потому что не потянули. Это устроит всех.

«Это устроит всех, кроме тебя» — вот что она не договорила. Я услышала это и без слов.

Никто из шестерых не верил, что я дотяну до снега. Я видела это по их лицам — по тому, с каким облегчением они выдохнули, найдя способ избавиться от меня, не запачкав рук. Меня не оставляли. Меня отпускали умирать медленно и прилично.

— А кто будет меня учить? — спросила я.

Ректор не ответила. Она посмотрела на человека у окна.

И я поняла раньше, чем прозвучали слова.

— Факультетом Предела руковожу я, — сказал магистр Кассиан Дрейк. Он наконец отошёл от окна, и туман за его спиной сомкнулся, будто его там и не было. — Значит, учить вас — тоже мне.

Он остановился напротив, глядя на меня сверху вниз тем же холодным, оценивающим взглядом, каким смотрел утром у Колокола.

— Надеюсь, вы хорошо запомнили, что я сказал вам сегодня, госпожа Вейл. Я обещал сделать всё, чтобы вы пожалели, что остались. — Уголок его рта дрогнул — не улыбка, а тень улыбки, от которой стало холоднее, чем от тумана. — Считайте, что учёба началась.

За окнами, в невидимой вышине, снова ударил обычный колокол академии. Первый учебный день. Первый — за

пятьсот лет — с женщиной на Факультете Предела.

Я подумала о матери. О том, как она учила меня не высовываться, пройти сквозь мир незамеченной. И о том, что впервые в жизни у меня не осталось такой возможности.

Что ж. Раз уж прятаться больше нельзя — будем стоять.

Глава 3. Первый круг

Комнату мне дали в самой дальней башне — узкую, холодную, с одним окном, выходящим на море. Соседок не полагалось: все девушки жили в другом крыле, а на моём этаже больше не было ни одной живой души. Я думала, это забыли устроить нарочно. Позже поняла — устроили. Меня селили так, чтобы я чувствовала: я здесь одна и лишняя.

Спала я плохо. Всю ночь снизу, из-под скалы, доносился тот же низкий гул, что я слышала у Колокола, — будто камень дышал. К утру я убедила себя, что мне почудилось. К утру я много в чём себя убеждала.

Занятия на Факультете Предела начинались не в классе, а внизу, под замком — в круглом зале, вырубленном прямо в скале. Туда вела винтовая лестница без перил, такая длинная, что где-то на середине я перестала считать ступени. Воздух густел с каждым шагом. Пахло камнем, солью и чем-то ещё — горьким, как перегоревший металл.

Их было девять. Девять юношей, все в тёмном, все из родов, чьи имена я слышала только в чужих разговорах. Они обернулись на звук моих шагов разом — и разом замолчали.

Я привыкла к такому молчанию. Так молчат, когда решают, стоишь ли ты того, чтобы с тобой заговорить, или проще сделать вид, что тебя нет.

— Значит, это правда, — сказал тот, что стоял ближе всех. Высокий, светловолосый, с лицом, которое привыкли слушаться. — А я думал, шутка.

— Тео, оставь, — бросил кто-то.

— Нет, отчего же. — Он обошёл меня медленно, будто разглядывал лошадь на ярмарке. — Меня зовут Тео Марлоу. Запомни, пригодится — это имя ты будешь слышать каждый раз, когда тебя будут ставить в пример того, как надо. А тебя, — он усмехнулся, — тебя, боюсь, запоминать не стоит труда. Ты уйдёшь до снега.

— Все так говорят, — ответила я. — Скучно даже.

Что-то мелькнуло у него в глазах — не злость, а удивление. Он не привык, чтобы огрызались. Я не привыкла молчать, когда меня разглядывают, как товар. Мы стояли друг друга, и оба это почувствовали.

Договорить он не успел.

* * *

Дрейк вошёл беззвучно. Я не услышала ни шагов, ни двери — просто гул под полом на миг стих, и все девять голов повернулись к нему. Он остановился в центре круга, обвёл нас взглядом и задержал его на мне на долю секунды дольше, чем на остальных. Ровно настолько, чтобы я поняла: он помнит вчерашнее слово в слово.

— Предел, — сказал он вместо приветствия, — это не сила. Силы у вас у всех довольно, иначе Колокол не привёл бы вас сюда. Предел — это граница, за которой ваша сила начинает жечь вас самих. Слабый маг выдыхается и падает. Сильный — переступает черту и горит. Моя работа — научить вас чувствовать эту черту раньше, чем вы её пересечёте. Тех, кто не научится, я не смогу спасти. И, честно говоря, не стану пытаться.

Он поднял руку. Между пальцами задрожал воздух — не пламя, не свет, а что-то без имени, от чего у меня заныли зубы, как тогда у Колокола.

— Сегодня вы просто дотронетесь до неё. По одному. Марлоу.

Тео шагнул в центр без тени сомнения. Дрейк коснулся его лба двумя пальцами — и Тео вздрогнул, будто его ударили. Лицо его напряглось, на висках выступил пот, но он устоял. Дрейк убрал руку.

— Хорошо, — сказал он без похвалы. — Крепкий предел. Родовая школа. Следующий.

Так шло по кругу. Кто-то держался, кто-то падал на колени, одного вырвало. Дрейк не помогал никому — только смотрел и коротко называл, сколько тот продержался, будто взвешивал на невидимых весах. Я стояла последней. Я слышала, как за спиной перешёптываются: сейчас увидим, сейчас она свалится, и всё закончится, не начавшись.

— Вейл, — сказал Дрейк.

Я вышла в центр. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его светлых глазах я впервые различила не холод, а что-то другое. Что-то похожее на предостережение.

— Не геройствуйте, — сказал он тихо, только мне. — Почувствуете жар — падайте. Упасть здесь не стыдно. Стыдно сгореть из упрямства.

— Я запомню, — сказала я.

Он поднял руку. Два пальца легли мне на лоб, холодные, как камень зимой.

* * *

И мир исчез.

Не стало ни зала, ни круга, ни девяти лиц. Осталась только сила — она хлынула в меня через прикосновение Дрейка, чужая, огромная, и я ждала, что она обожжёт, как обжигала остальных. Ждала жара. Ждала боли.

Боли не было.

Сила шла сквозь меня и не встречала преграды — так вода уходит в песок, не оставляя следа. Я не переступала черту. Черты для меня будто и не существовало. Где-то очень глубоко, под самой скалой, отозвался тот же ночной гул — и на этот раз я поняла, что он отвечает мне. Узнаёт. Как узнал вчера Колокол.

Я открыла глаза.

Дрейк смотрел на меня. Он убрал руку — резко, будто обжёгся о меня, а не я о него, — и на его лице не было ни холода, ни насмешки. Было то, чего я не видела там ни разу.

Страх.

В зале стояла тишина. Тео Марлоу смотрел на меня, и улыбки на его лице больше не было.

— Урок окончен, — сказал Дрейк, и голос у него дрогнул так тихо, что услышала, кажется, только я. — Все свободны. Все, кроме Вейл.

Девять пар ног застучали вверх по лестнице. Я осталась стоять в круге, вырубленном в скале, наедине с человеком, который вчера обещал заставить меня пожалеть, а сегодня смотрел на меня так, будто это ему стоило бы бояться.

— Что вы такое, — сказал он. Не спросил. Сказал — тихо, себе. — Марта Вейл не могла родить это просто так.

Имя матери снова ударило под рёбра.

— Вы знали мою мать? — спросила я.

Дрейк долго молчал. Гул под полом медленно затихал, будто и он ждал ответа.

— Идите к себе, госпожа Вейл, — сказал он наконец. — И никому — слышите, никому — не рассказывайте, что сегодня почувствовали. Или не почувствовали.

Он повернулся и пошёл к лестнице. А я осталась стоять и понимать одну простую, холодную вещь: он не ответил на мой вопрос.

Но и не сказал «нет».

Глава 4. То, чего не говорят вслух

«Но и не сказал „нет“», — думала я, поднимаясь из-под

скалы по бесконечной винтовой лестнице. Эта мысль не давала мне покоя весь остаток дня и всю следующую бессонную ночь. Дрейк знал мою мать. Или знал что-то о ней. Иначе зачем ему было ронять её имя вслух — так, будто оно жгло язык?

Я решила спросить прямо. Это всегда было моей бедой — думать, что на прямой вопрос можно получить прямой ответ.

Случай выпал через два дня, после общего занятия. Дрейк отпустил остальных и что-то помечал в своих бумагах, когда я задержалась у дверей.

— Магистр. Вы сказали, что моя мать не могла родить это просто так. — Я старалась, чтобы голос звучал ровно. — Значит, вы её знали.

Перо в его руке не дрогнуло. Он не поднял головы.

— Я сказал много лишнего в тот день, госпожа Вейл. Не придавайте этому значения.

— Вы назвали её по имени. Марта Вейл. Я не говорила вам, как её звали.

Вот теперь перо остановилось. Он поднял на меня глаза — светлые, холодные, непроницаемые, — и я поняла, что совершила ошибку. Не тем, что спросила. Тем, что показала, как внимательно слушаю.

— В академии есть архив, — сказал он наконец. — В нём записаны имена всех, кто когда-либо проходил отбор. В том числе родителей поступающих. Ваше личное дело лежало у

меня на столе всю прошлую неделю. — Он снова опустил взгляд к бумагам. — Не ищите тайны там, где есть простое объяснение. Это утомляет и вас, и меня.

Гладко. Слишком гладко. Так отвечает человек, который заранее приготовил ответ.

— Тогда откройте мне этот архив, — сказала я. — Я хочу прочесть, что там написано о моей матери.

— Архив факультета закрыт для студентов первого года. — Он перевернул страницу. — Всего доброго, госпожа Вейл. Советую потратить силы на подготовку к осеннему зачёту. До него две недели, а вы не умеете и половины того, что умеют остальные.

Разговор был окончен. Я вышла, кипя, и лишь на лестнице сообразила, что он сказал две вещи, которые не сходились. Личное дело, где записано имя матери. И архив, закрытый для меня. Если имя было в деле у него на столе — зачем мне архив? А если всё дело в архиве — откуда имя в личном деле сироты из захолустья, о которой в Грейнморе не знали ничего?

Одно из двух было ложью. Я просто пока не понимала какое.

* * *

Быт на Факультете Предела оказался войной, которую никто не объявлял вслух.

Учебников мне не выдали. Когда я пришла к кастеляну, тот развёл руками: комплекты закончились, будут после

праздника урожая, а до тех пор — как знаете. Комплекты, разумеется, не закончились: я видела, как получал свой запоздавший второкурсник уже после меня. Просто мне их не полагалось.

Ключа от учебной кладовой, где хранились фокус-камни для упражнений, мне тоже не дали. «Женское крыло на другом конце замка, — сказал смотритель, не глядя в глаза. — Вам туда. А тут не положено». То, что моё крыло было в противоположной башне и до утренних занятий под скалой я добиралась через пол-академии в темноте, никого не волновало.

В столовой было хуже всего — потому что там это видели все. В первый день я села за стол факультета, как и полагалось. Девять человек поднялись и молча пересели. Не сказали ни слова — просто встали и ушли, оставив меня одну за длинным пустым столом, как прокажённую. Тео Марлоу уходил последним и, проходя мимо, обронил, не понижая голоса:

— Не привыкай. Всё это ненадолго.

Я ела одна три дня. На четвёртый перестала ходить в общий зал вовсе — брала хлеб и сыр с кухни и уносила к себе в башню. Так было даже лучше. Голод я знала с детства; а вот сидеть под девятью взглядами, которые ждут, когда ты сломаешься, оказалось тяжелее голода.

Хуже всего было то, что я понимала: всё это устроено нарочно. Не по злобе даже — по расчёту. Никто меня не бил,

не оскорблял, не нарушал ни единого правила. Мне просто не давали жить. Медленно, вежливо, со всех сторон разом — в надежде, что я устану раньше, чем придёт первый снег, и уйду сама. И тогда все скажут: видите, не потянула. Не выгнали — сама ушла. Слабая. Женщина.

Ректор так и сказала: «Это устроит всех». Теперь я видела, как именно это будет устроено.

* * *

Вечером я села к своему единственному окну, положила на колени лист бумаги и разделила его чертой надвое. Слева написала: «Что мне нужно, чтобы дожить до зачёта». Справа: «Чего у меня нет».

Справа получилось длиннее. Учебников. Камней для упражнений. Места, где заниматься. Хоть одного человека, который не желал бы мне провала.

Я долго смотрела на этот список. А потом вычеркнула справа всё, кроме последней строки. Учебники можно переписать от руки в библиотеке. Камни — выпросить, украсть, обойтись. Место найдётся. Но одной, совсем одной, против целого замка мне было не выстоять до снега — это я понимала трезво, без жалости к себе.

Мне нужен был хотя бы один человек. Не защитник — просто кто-то, кто не отвернётся.

Я не знала тогда, что этого человека найду не среди магов. И что начнётся всё с того, что я, отчаявшись раздобыть учебник, спущусь однажды поздним вечером в библиотеку

— туда, где среди пыльных полок сидит над чужими книгами тихая девушка по имени Лисбет, которой в этом замке до меня не было никакого дела.

Но это будет завтра. А в тот вечер я дописала список, задула свечу и легла, слушая, как далеко внизу, под скалой, снова просыпается гул. Он звучал ровно, терпеливо, будто чего-то ждал.

Будто ждал меня.

Глава 5. Единственная подруга

Библиотека Грейнмора открывалась на закате и работала до полуночи — единственное место в замке, куда мне не запретили входить, просто потому, что запретить забыли. Днём там сидели студенты. Я приходила поздно, когда они расходились, и оставалась одна среди полок, уходивших во тьму под самый потолок.

В тот вечер я искала учебник по основам предельной магии — тот самый, которого мне не выдали. Я уже знала, что своего экземпляра мне не дожидаться, и придумала простой выход: найти книгу в библиотеке и переписать от руки столько, сколько успею до зачёта. Медленно. Глупо. Но это было хоть что-то, что зависело только от меня.

Нужная полка обнаружилась в дальнем крыле, куда свет от входных ламп почти не доставал. Я запрокинула голову. Учебник стоял высоко — выше, чем я могла дотянуться, даже встав на цыпочки на нижней перекладине стеллажа.

— Не лезь, — раздалось из темноты. — Эта лестница шатается. В прошлом месяце с неё упал студент-целитель и сломал руку. Целитель, представь себе. Так и не сумел срастить себе кость — пришлось звать настоящего врача из города.

Я вздрогнула и обернулась. Из-за соседнего стеллажа на меня смотрела девушка примерно моих лет — маленькая, худая, с чернильным пятном на щеке и стопкой книг в руках. Не студентка: простое серое платье, фартук, руки в мелких порезах от бумаги. Кто-то из тех, кого в замке не замечают, — прислуга при книгах.

— Мне нужен вон тот, сверху, — сказала я, готовясь к тому, что и она сейчас отвернётся, как все.

Она не отвернулась. Поставила свою стопку на пол, деловито подошла, отодвинула шаткую лестницу в сторону и вместо неё подкатила из-за угла крепкую стремянку на колёсах.

— Этой пользуются библиотекари, — сказала она, взбираясь наверх ловко, как кошка. — Студентам не дают, чтобы не растащили. Какой тебе? Предельная магия, основы? — Она провела пальцем по корешкам. — Держи. Издание старое, но лучше нового: в новом половину поубирали.

Она спустилась и протянула мне тяжёлый том в потёртом переплёте. Я взяла, всё ещё не веря, что кто-то в этом замке просто взял и помог мне без задней мысли.

— Спасибо, — сказала я. И, помолчав: — Ты знаешь, кто я?

— Весь замок знает, кто ты. — Она подняла свою стопку и

кивнула, чтобы я шла за ней. — Девушка, которую Колокол отправил на Предел. Из-за тебя вторую неделю на кухне ни о чём другом не говорят. — Она искоса глянула на меня. — Половина ставит, что ты уйдёшь до праздника урожая. Вторая половина — что до первого снега. Дальше снега не ставит никто.

— А ты? — спросила я. — Ты как ставишь?

Она остановилась у своего стола — заваленного книгами, залитого светом единственной хорошей лампы во всей библиотеке — и посмотрела на меня прямо.

— Я не ставлю против людей, которым и без меня тяжело, — сказала она. — Меня зовут Лисбет. Я разбираю тут книги за еду и угол. Садись, если хочешь. Переписывать при моей лампе всяко удобнее, чем горбиться в темноте, как ты собиралась.

* * *

Так у меня появился первый за две недели человек, который со мной разговаривал.

Лисбет была из деревни у подножия мыса — из тех, кого в Грейнмор берут не учиться, а прислуживать. Магии в ней не было ни капли, зато была память, какой я не встречала: она знала библиотеку наизусть, до последнего тома в самом тёмном углу, и, как выяснилось, знала и сам замок — куда лучше, чем иные студенты, прожившие тут годы.

Прислуга видит то, чего не видят господа. Кто в какие двери входит и в котором часу. Чьи покои стоят запертыми.

Какие коридоры велено обходить с тряпкой, а какие — не трогать вовсе. Пока я переписывала первую главу учебника, Лисбет, раскладывая книги, говорила — тихо, вполголоса, будто сама с собой, — и я слушала так, как не слушала ни одного магистра.

— Ты в дальней башне живёшь, да? — сказала она. — Одна на весь этаж. Знаешь, почему тебя туда дели? Не потому, что места нет. Женское крыло переполнено, врать не буду, но угол бы нашли. Тебя дели туда, потому что та башня раньше была частью факультетского крыла. Твоего. Только его давно замуровали — вход заложили ещё до того, как я тут появилась. Осталась одна башенка с краю, вот в неё тебя и сунули. Ближе всего к Пределу — и дальше всего от людей.

Перо замерло у меня в руке.

— Замуровали? Крыло факультета? Зачем?

Лисбет пожала плечами, но я уже видела: она знает больше, чем говорит, и раздумывает, стоит ли.

— Про это не спрашивают, — сказала она наконец, тихо. — Ни студенты, ни прислуга. Один раз новенькая горничная сунулась с вопросом к кастеляну — на другой день её отправили обратно в деревню без жалованья. С тех пор я усвоила: в Грейнморе есть вещи, про которые не говорят вслух. Замурованное крыло — одна из них. — Она посмотрела на меня, и в её глазах мелькнула не то жалость, не то предостережение. — А ты, выходит, теперь живёшь к нему ближе всех.

Я опустила взгляд к переписанной странице, но букв уже

не видела. Замурованное крыло. Факультетское. Женская башенка на отшибе — всё, что от него осталось. И я, поселённая в ней так, будто меня хотели задвинуть в угол, а вышло — будто меня поселили сторожить чужую тайну.

«Не ищите тайны там, где есть простое объяснение», — сказал Дрейк. Гладко. Слишком гладко.

— Лисбет, — сказала я осторожно. — А имена. Тех, кто учился тут раньше. Они где-нибудь записаны?

Она замерла на миг — совсем коротко, но я заметила.

— В архиве, — сказала она. — Только архив факультета студентам первого года закрыт. — Она отвернулась к полкам чуть быстрее, чем нужно. — И знаешь... про имена тоже лучше не спрашивать. Особенно про те, которых там больше нет.

«Которых там больше нет». Вычеркнутые. Стёртые.

Я хотела спросить ещё — но Лисбет уже гремела книгами в дальнем углу, давая понять, что на сегодня сказала всё, что решилась. Я склонилась над учебником и до полуночи переписывала основы предельной магии, а половина моих мыслей была не о них.

Впервые с приезда в Грейнмор я была не одна. И впервые я поняла, что моя пустая башня на отшибе, мой холод и моя изоляция — не просто травля. Меня поселили на пороге чего-то, что этот замок пятьсот лет прятал за замурованной стеной.

Оставалось выяснить, за какой именно.

Глава 6. Соперница

Я думала, что хуже девяти парней, которые ждут моего провала, в Грейнморе быть не может. Я ошибалась. Хуже оказалась одна-единственная девушка, которая ждала того же.

Её звали Хельга Ольсдоттир, и она была единственной, кроме меня, женщиной на всём потоке первого года — только училась там, где мне и было место: на целительстве. Я узнала о ней раньше, чем увидела. О ней говорили с придыханием: из старого рода, дочь королевского лекаря, лучшая на курсе, красивая так, что второкурсники теряли нить на занятиях, когда она проходила по галерее. Всё, чем не была я.

Я наивно решила, что она станет мне если не подругой, то хотя бы союзницей. Нас же было всего две на сотню. Кому, как не ей, понять, каково это — быть женщиной там, где на женщину смотрят как на недоразумение.

Как же я ошибалась и в этом.

* * *

Мы столкнулись у колодца во внутреннем дворе — том единственном месте, где сходились пути студентов всех факультетов. Я набирала воду, чтобы отнести к себе в башню: на моём этаже, разумеется, прислуга не убирала и воды не носила. Хельга подошла с двумя подругами-целительницами, и я по одному только тому, как они замедлили шаг, по-

няля — это не случайность.

— Так вот ты какая, — сказала Хельга.

Голос у неё был красивый, ровный, хорошо поставленный — голос человека, привыкшего, что его слушают. Она оглядела меня с ног до головы: заплатанный плащ, стоптанные башмаки, руки, красные от ледяной колодезной воды. Оглядела медленно, чтобы я успела почувствовать каждую заплату.

— Я думала, ты хоть на что-то похожа, — сказала она наконец. — Раз уж наделала столько шума. А ты просто нищенка, которую пожалел сломанный колокол.

— Колокол не жалел меня, — ответила я. — Он вообще не спрашивал, чего я хочу. Как и тебя, полагаю.

Что-то дрогнуло у неё в лице — на миг, — но она справилась быстро.

— Меня он определил туда, где мне и место. — Она шагнула ближе. — А тебя — туда, где не место ни одной женщине. И вот что я тебе скажу, Вейл. Ты думаешь, ты там за нас всех? Думаешь, ты что-то доказываешь? Нет. Ты позоришь каждую из нас.

Я не ожидала этого. Я готовилась к презрению богатой к бедной — к нему я привыкла с детства. Но это было другое.

— Ты хоть понимаешь, чего мне стоило попасть сюда? — продолжала она, и в ровном голосе прорезалось что-то живое, злое, настоящее. — Как я себя вела? Сколько лет? Ни одного лишнего слова, ни одного неверного шага. Безупреч-

но — потому что за меня следят вдвое пристальнее, чем за любимым из них. Одна оплошность — и скажут: вот, женщина, что с неё взять. Я годами доказывала, что женщине можно доверить хотя бы целительство. А приходишь ты — лезешь на Предел, куда нам нельзя, и когда ты сгоришь, — а ты сгоришь, — они кивнут и скажут: видите, мы предупреждали. Не суйтесь. И перечеркнут всё, что я строила по кирпичику.

Она замолчала, тяжело дыша. Подруги смотрели на неё с испугом — кажется, они не привыкли видеть безупречную Хельгу такой.

И я вдруг поняла, что ненавидит она меня не потому, что я хуже её. А потому, что боится: из-за меня хуже сделают всех.

— Значит, по-твоему, — сказала я тихо, — мне надо было уйти самой. Тихо собрать вещи и не позорить остальных.

— Да, — отрезала она.

— Тогда мы с тобой похожи больше, чем тебе хотелось бы. — Я подняла своё ведро. — Потому что именно этого от меня хотят и деканы. Чтобы я ушла тихо. Не выгнали — сама. Вся разница между тобой и ими в том, что они хотя бы не притворяются, будто пекутся обо мне.

Я пошла прочь, расплёскивая воду, и спиной чувствовала её взгляд. Я ждала окрика, колкости вслед — но Хельга молчала. И это молчание было хуже любых слов: значит, попало.

* * *

Вечером я рассказала обо всём Лисбет. Она слушала, разбирая книги, и качала головой.

— Ольсдоттир, — сказала она. — Про неё на кухне тоже говорят. Знаешь, что говорят? Что она первая красавица потока и первая злюка. Но я тебе так скажу. — Лисбет отложила том и посмотрела на меня. — Злая собака чаще всего та, которую долго держали на цепи. Ты на неё не серчай сильно. Ей несладко — по-своему, не по-твоему, но несладко. Всю жизнь идти по канату и знать, что внизу нет сетки.

— Ты её защищаешь? — удивилась я. — Она назвала меня нищенкой.

— Я не защищаю. Я говорю, как есть. — Лисбет пожала плечами. — Она тебе сейчас враг, спору нет. Но враг из страха — не то же, что враг из злобы. Первого иногда можно переманить. Второго — почти никогда. Запомни это про неё. Может, пригодится.

Я запомнила. Хотя тогда не поверила ни на грош, что мне когда-нибудь понадобится Хельга Ольсдоттир на моей стороне.

Я лежала в темноте своей башни и думала о том, что сказала она у колодца. «Когда ты сгоришь». Не «если». Все были так уверены. Деканы, парни, даже эта девушка, что должна была бы понимать меня лучше всех, — все ждали, что Предел меня сожжёт.

Только Предел меня не жёг. Он проходил сквозь меня, как вода сквозь песок, и звал по ночам из-под скалы. И никто из тех, кто так уверенно ставил на мою смерть, не знал об этом. Пока не знал.

До осеннего зачёта оставалась неделя. И я вдруг поняла, что почти жду его — не со страхом, а с каким-то злым любопытством. Пусть смотрят. Пусть ставят. А я посмотрю на их лица, когда не сгорю.

Глава 7. Первый несчастный случай

За неделю до осеннего зачёта Дрейк объявил, что мы будем работать с фокус-камнями.

До сих пор мы касались Предела только через него — двумя пальцами, приложенными ко лбу, как в первый день. Это было безопасно: он держал черту сам, и, если ученик подходил к ней слишком близко, Дрейк просто отнимал руку. Фокус-камень — другое дело. Он держит связь с Пределом сам, без наставника. Через него сила течёт напрямую. Ошибёшься в настройке — и некому будет тебя отпустить.

— Камень усиливает то, что вы в него вкладываете, — говорил Дрейк, расхаживая по кругу. — И вашу силу, и вашу ошибку. Настройка должна быть точной. Слишком слабая — камень не откликнется. Слишком сильная — он потянет из вас больше, чем вы готовы отдать, и вы не заметите, как окажетесь за чертой. Поэтому первый раз каждый делает под моим присмотром. По одному. Никто не берёт камень без моего слова.

Камни хранились в учебной кладовой — той самой, ключа от которой мне не дали. Их раздавал смотритель, отмеряя каждому его камень по списку. Мне он протянул мой

последним, не глядя в глаза, и я, привыкшая уже к этой мелкой ежедневной неприязни, не придавала значения тому, как он это сделал. Зря.

* * *

Мы расселись по кругу, каждый со своим камнем на ладони. Дрейк пошёл вдоль ряда, останавливаясь у каждого, проверяя настройку, прежде чем позволить коснуться Предела. Тео первым — конечно, Тео. Его камень отозвался ровным светом, и Дрейк коротко кивнул: хорошо.

До меня он дошёл предпоследней. Взял мой камень с моей ладони, взвесил его, поднёс к глазам — и я увидела, как между его бровей залегла складка.

— Где вы это взяли, — сказал он. Не мне. Смотрителю, что стоял у дверей.

— Из кладовой, магистр. По списку. Как всегда.

Дрейк ещё мгновение смотрел на камень. Потом на меня. Что-то он хотел сказать — я видела, — но в кругу сидели девять пар глаз, и все они ждали. Отменить упражнение для меня одной значило признать перед всеми, что мне дали не тот камень. А значит — что со мной обходятся не как со всеми. А значит — дать повод сказать, что я требую поблажек.

Я поняла ловушку в ту же секунду, что и он. И, да простит меня здравый смысл, я сама её захлопнула.

— Что-то не так с камнем, магистр? — спросила я громко, чтобы слышали все. — Или что-то не так со мной?

По кругу прошёл смешок. Дрейк посмотрел на меня —

долго, тяжело, — и в этом взгляде я прочла не злость. Предупреждение. Не делай этого. Но я уже сделала. Гордость всегда была дороже мне безопасности, и в тот раз она едва меня не убила.

— Настраиwайте, — сказал он наконец, кладя камень обратно мне на ладонь. И тихо, только мне, одними губами: — Медленно. При первом жаре — бросайте камень на пол. Не геройствуйте.

* * *

Я закрыла глаза и потянулась к камню, как учил учебник, переписанный от руки при лампе Лисбет.

Сначала всё было правильно. Камень отозвался — тёплый, живой, как тот камень под Колоколом в первый день. Я потянула силу тонкой нитью, осторожно, чувствуя, как она перетекает через грань камня ко мне.

А потом нить сорвалась.

Камень рванул сам — жадно, резко, будто был не инструментом, а голодным ртом. Он не усиливал мою силу. Он тянул её из меня, всю разом, с корнем, как вырывают дерево. Мир побелел. Я услышала, как где-то далеко закричали, — и не сразу поняла, что кричат из-за меня. Сила уходила через камень в Предел, и вместе с ней уходила я — сознание, тепло, само ощущение того, где кончаюсь я и начинается камень.

Это было то самое, о чём говорил Дрейк. Слишком сильная настройка. Камень тянет больше, чем ты готов отдать.

Только я настроила слабо, осторожно, правильно — а камень всё равно тянул так, будто кто-то заранее раскалил его до предела.

«Бросай», — вспомнила я сквозь белизну. Бросай камень на пол.

Я не могла разжать руку. Пальцы свело, камень будто врос в ладонь.

И тогда чужая рука накрыла мою — холодная, твёрдая — и с силой разжала мои сведённые пальцы. Камень покатился по каменному полу, и связь оборвалась так резко, что меня швырнуло назад, и я упала бы, если бы не эта рука, поймавшая меня за плечо.

Дрейк. Он стоял на одном колене рядом со мной, держал меня и смотрел не на меня — на камень, откатившийся к центру круга. И лицо у него было такое, какого я не видела ни разу: белое от ярости.

* * *

— Все свободны, — сказал он. Тихо. И оттого страшно. — Занятие окончено.

Никто не двинулся. Девять человек смотрели на меня, распластанную на полу, бледную, дрожащую, — и я видела в их лицах то, чего боялась больше жара. Они видели, как я едва не сгорела. И теперь каждый из них расскажет об этом. Вейл не справилась с простейшим упражнением. Едва не убилась о фокус-камень в первую же неделю. Что я говорил. Женщина. До снега не дотянет.

— Я сказал — свободны, — повторил Дрейк, и на этот раз они поднялись и пошли к лестнице.

Тео уходил последним. Он задержался на миг — и я ждала колкости, ждала торжества в его глазах. Он ведь всё повторял: ты уйдёшь до снега. Вот оно, доказательство. Наслаждайся.

Но Тео не торжествовал. Он смотрел на камень в центре круга, и между его бровей залегла складка — точь-в-точь как у Дрейка минуту назад. Он открыл рот, будто хотел что-то сказать, — и не сказал. Развернулся и ушёл вслед за остальными.

Я запомнила это. Тогда — краем сознания, сквозь дурноту. Но запомнила. Человек, который желает тебе провала, при виде твоего провала не хмурится. Он улыбается.

Тео Марлоу не улыбнулся.

* * *

Когда лестница опустела, Дрейк поднял камень с пола. Он держал его на раскрытой ладони и смотрел так, будто держал не камень, а улику.

— Настройка была верной, — сказал он. Не мне — себе. — Я смотрел. Вы всё сделали правильно. Камень не должен был так тянуть.

— Тогда почему он тянул? — Голос у меня всё ещё дрожал.

Дрейк сжал камень в кулаке и не ответил. Но я видела, как он на миг прикрыл глаза, — и в этом было что-то похо-

жее на человека, который получил ответ, которого не хотел получать.

— Идите к себе, госпожа Вейл, — сказал он наконец. — И... — Он помолчал. — В следующий раз, когда я скажу вам не геройствовать, не спорьте со мной при всех. Я пытался вас уберечь. А вы едва не сгорели мне назло.

— Я не знала, что камень...

— Знаю, что не знали. — Он отвернулся, пряча камень в складках мантии. — В том-то и дело, что не знали. Идите.

Я побрела вверх по лестнице, держась за стену, и всю дорогу думала не о том, как едва не умерла. Я думала о том, что сказал Дрейк. Настройка была верной. Камень не должен был так тянуть.

Кто-то дал мне не тот камень. Раскалённый заранее. И этот кто-то знал, что Дрейк не сможет отменить упражнение при всех, не выделив меня. Знал правила игры лучше, чем я. Это была не моя ошибка. Это был чей-то расчёт.

Я не могла ещё доказать этого. Но впервые с приезда в Грейнмор я испугалась по-настоящему — не того, что не справлюсь. А того, что кто-то в этом замке очень не хочет, чтобы я дожила до первого снега. И готов мне в этом помочь.

Глава 8. Осенний зачёт

Осенний зачёт был первым из четырёх. Так уж устроен Предел: одним большим испытанием в конце семестра не обойтись, потому что до конца семестра надо ещё дожить.

Поэтому нас проверяли четырежды — осенью, в середине, перед зимой и напоследок. Провалишь любой — и ректорат получит законный повод сказать: не тянет. Особенно если этот кто-то — я.

После случая с камнем я почти не спала. Не от страха — от расчёта. Я лежала в темноте своей башни и думала об одном: если кто-то подстроил тот камень, он подстроит и зачёт. И если я приду на зачёт делать то же, что все, — тянуть силу через камень напоказ, — мне снова подсунут раскалённый, и на этот раз рядом может не оказаться руки, которая его выбьет.

Значит, надо было пройти зачёт так, чтобы не зависеть от того, какой камень мне дадут.

Я перечитала переписанный учебник от корки до корки. И на третью ночь нашла то, что искала, — в самой скучной главе, которую наверняка никто из парней не дочитал, потому что зачем, если можно просто быть сильным.

* * *

Зачёт принимали двое: Дрейк и сухой старик-экзаменатор из ректората, приставленный следить, чтобы всё было по правилам. По правилам — то есть чтобы мне не сделали поправки. Он смотрел на меня так, будто уже вписал в свой лист слово «не сдала» и ждал только формального повода.

Задание было простым лишь на словах. Каждый брал фокус-камень, тянул через него силу из Предела и удерживал ровное свечение, пока экзаменатор считал до тридцати.

Слишком слабо — камень гаснет, провал. Слишком сильно — камень тянет тебя за черту, и тебя оттаскивают, провал. Надо пройти по грани и не свалиться ни в одну сторону. Для сильного мага испытание на сдержанность. Для меня — на выживание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.